

Пётр Фарфудинов

ПОД СОЛНЦЕМ ЖУКОВКИ



18+

Пётр Фарфудинов

Жуковка время любить

<https://litres.ru/74422338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жуковка время любить – масштабная семейная сага, охватывающая более десяти лет из жизни Екатерины и Романа. Их встреча на заводе после восьми лет молчаливого ожидания становится началом долгого пути, полного интриг, предательства, бедности и рискованных авантюр. Любовь, рождённая среди запаха краски и машинного масла, помогает им выстоять в кризис, переехать в Москву, открыть собственное дело и вырастить детей, которые продолжают семейные традиции. Путешествия на Байкал, Балканы, Афон и экзотический остров в Индийском океане становятся не только приключениями, но и испытаниями на верность, прочность духа и силу настоящей семьи. Это история о том, что истинное богатство – не в золоте, а в любви, которую мы передаём из поколения в поколение.

Пётр Фарфудинов

Жуковка время любить

Жуковка: время любить

Наследие любви. История Екатерины и Романа

Город просыпался серым и мокрым. Екатерина стояла у окна своей маленькой квартиры на пятом этаже и смотрела, как капли дождя разбиваются о стекло, оставляя за собой дорожки, похожие на следы от слез. Ей было тридцать пять. Возраст, когда женщины уже не верят в сказки, но втайне продолжают их ждать. Она развела руками, стряхивая невидимую пыль с фартука, и посмотрела на телефон. Новое сообщение.

«Привет. Может, сходим сегодня в парк? Погода обещает быть ясной к вечеру. Роман».

Она усмехнулась. Роман. Тот самый парень из велосборочного цеха, который восемь лет был для неё просто тенью, маяком в конце длинного заводского коридора. Он всегда носил синюю робу с пятнами масла на рукавах и никогда не смотрел на неё в упор. А теперь... теперь она перевела взгляд на календарь. 2026 год. Прошло три года с тех пор, как он ушел, и почти два месяца, как он вернулся. Вернулся в её жизнь, в её цех, в её дыхание.

Она не верила в любовь. После развода, оставившего в душе глубокую царапину, Екатерина закрылась от мира, как

закрывают на зиму ставни. Но когда в апреле, в шумном цехе Литья и пластмасс, она услышала его голос, сказавший бригадиру: «Здравствуйте, приняли обратно», — сердце её пропустило удар.

Она посмотрела в зеркало. Карие глаза, в которых плескалась усталость, на мгновение блеснули. Она набрала: «Хорошо. Во сколько?»

И вот он ответ: «В шесть. Я заеду».

Екатерина отложила телефон и глубоко вздохнула. Завод, где они оба работали, находился на окраине города, но за ним, если пройти через старый лесопарк, начинались такие места, о которых знали только старожилы. Там была заброшенная усадьба, где среди вековых дубов и колючих кустов шиповника прятался пруд с удивительно чистой водой, похожей на расплавленное серебро. Она решила: если уж идти на свидание, то туда. Туда, где тишина говорит громче слов.

Роман стоял у проходной завода, нервно теребя ключи от старого, но ухоженного «Фольксвагена». Он чувствовал себя мальчишкой. Чёрт возьми, ему было под сорок, он повидал виды, работал наладчиком на сложных станках, чинил дома проводку и мог починить любой велосипед за пять минут, но сейчас его руки дрожали.

Он увидел её. Она выходила из проходной, и ветер играл с её каштановыми волосами, выбивающимися из небрежно собранного пучка. На ней было лёгкое бежевое пальто, которое делало её хрупкой и бесконечно красивой. Роман вы-

дохнул. Он помнил её такой же, но тогда, в 2014 году, на ней была зеленая роба, а на наклейках велосипедов, которые она клеила, был изображён дракон. Он часто смотрел на неё издалека, когда ходил за деталями. Она никогда не поднимала глаз. А он был слишком горд, чтобы подойти.

— Екатерина, — сказал он, чуть охрипшим голосом. — Привет.

— Здравствуй, Роман, — улыбнулась она, и от этой улыбки у него перехватило дыхание. — Куда мы едем?

— Я знаю одно место. За городом. Но оно не для слабонервных, — подмигнул он. — Там грязь, но если подняться на холм...

— Поехали, — перебила она. — Я люблю высоту.

Они ехали молча. В салоне играла тихая музыка, пахло кожей и его одеколоном, смешанным с едва уловимым запахом машинного масла, который, казалось, вьелся в его кожу навечно. Екатерина смотрела в окно. Город заканчивался, уступая место бесконечным полям, которые уже начали зеленеть. Небо, наконец, разорвало тучи, и лучи солнца упали на землю, как божественные стрелы.

— Я знаю, ты думаешь, что это глупо, — вдруг сказал он, не поворачивая головы. — Я знаю, ты не веришь. Но я смотрел на тебя тогда, в цехе. Ты стояла у конвейера, такая вся... настоящая. Я хотел подойти, но ты была как свет. А я боялся обжечься.

Екатерина удивлённо повернулась к нему. Он говорил о

2014 году. Восемь лет. Восемь лет он помнил её у конвейера.

— Ты шутишь? — тихо спросила она.

— Я никогда не шучу о том, что помню, — ответил он, сворачивая на просёлочную дорогу. — Я ушёл в 22-м, потому что понял: ты на меня не смотришь, и мне больно. Я думал, забуду. Думал, найдётся другая. Не нашлась. А когда вернулся в 25-м и увидел тебя в новом цехе... я понял, что судьба даёт мне второй шанс. Я не хочу его упустить.

Он остановил машину на поляне, окружённой высокими соснами. Впереди, сквозь ветви, открывался вид на старую усадьбу. Гранитные ступени, поросшие мхом, вели к огромному пруду, в котором отражалось небо. Воздух здесь был пропитан запахом молодых листьев и влажной земли.

Они вышли из машины. Тишина была оглушительной. Роман протянул ей руку, помогая обойти лужу. Его пальцы были шершавыми, сильными, и когда они коснулись её ладони, Екатерина почувствовала электрический разряд. Она подняла на него глаза. Он был высоким, широкоплечим, с тёмными волосами, тронутыми ранней сединой, и с серыми глазами, в которых читалась такая нежность, что у неё защемило в носу.

— Я не знаю, — прошептала она. — Я так давно не чувствовала ничего. Я боюсь. Мне кажется, что это сон.

— Это не сон, — ответил он, аккуратно притягивая её к себе за талию. Они стояли на краю поляны, и ветер шевелил её волосы. — Смотри, Кать.

Он указал рукой вдаль. За прудом, на холме, расцвели первые дикие ирисы. Их синие лепестки горели на солнце, как драгоценные камни. И в этот момент Екатерина почувствовала, как лёд внутри неё начал таять.

— Ты помнишь, что я клеила тогда? — спросила она шёпотом, уткнувшись носом в его плечо.

— Драконов, — улыбнулся он. — Красных драконов на чёрных велосипедах. Я думал, что ты сама похожа на ту драконицу, которая стережёт сокровище. И я хочу быть этим сокровищем.

Она засмеялась — звонко, по-девичьи, откинув голову назад. Солнце освещало её лицо, делая кожу золотистой. Роман наклонился к ней. Ей показалось, что время остановилось. Она слышала, как бьётся его сердце — громко, надрывно, в унисон с нее.

— Я не верю в любовь, — снова повторила она, но слова уже не звучали убедительно.

— А ты просто закрой глаза, — попросил он.

Она закрыла. Он провёл пальцем по её скуле, спустился к подбородку и чуть приподнял его. Её дыхание сбилось. Она чувствовала его тепло, его запах, его желание, которое он так долго сдерживал.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Это ветер.

— Это не ветер. Это я.

И он поцеловал её. Это был не страстный, грубый поце-

луй. Это было прикосновение губ, мягкое, как лепесток ириса, и в то же время обжигающее, как пламя. Роман целовал её с благоговением, осторожно, будто она была хрустальной. Он держал её за талию, прижимая к себе, и она почувствовала, как силой обхватила его шею руками, вплетая пальцы в его волосы.

Вокруг них кружились первые майские жуки, и где-то высоко в небе пел жаворонок. Ветер нёс запах пылицы и свежести. Екатерина почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Она не знала, от счастья это или от боли, отпущенной, наконец.

Он отстранился, улыбаясь, и вытер её слезу большим пальцем.

— Ты плачешь?

— Это от того, что я боялась упустить тебя, — выдохнула она. — Восемь лет, Ром. Мы потеряли восемь лет.

— Нет, — серьёзно сказал он, беря её лицо в ладони. — Мы не потеряли. Мы копили силы. Мы ждали, пока станем теми, кто сможет это выдержать. Теперь мы выдержим всё. Я обещаю тебе, Кать. Я не уйду снова. Никогда.

Она прижалась к нему, пряча лицо на его груди. Она чувствовала его тепло, его надёжность, его плечи, за которыми хотелось спрятаться от всех бурь. В этот момент она поняла, что это он. Тот человек, который будет рядом даже тогда, когда мир рухнет.

Вечер они встретили уже в городе, в маленьком кафе, где

пахло свежей выпечкой и корицей. Они сидели в углу, держась за руки, не в силах оторваться друг от друга. Когда кафе закрылось, Роман предложил погулять по набережной. Ночь была тёплой и звёздной, а фонари отражались в воде, создавая иллюзию тысячи лун.

— Я хочу, чтобы это никогда не кончалось, — сказала Екатерина, глядя на звёзды.

— Это только начало, — ответил Роман, и в его голосе звучала твёрдая уверенность. Он остановился, развернул её к себе лицом, и его руки скользнули по её плечам, спускаясь всё ниже, пока не обхватили её талию и не притянули вплотную. — Я хочу знать каждую твою родинку, каждую улыбку, каждую морщинку у глаз. Я хочу просыпаться и видеть тебя. Не рядом, нет. А с собой.

Екатерина не выдержала. Она сама потянулась к нему, и их губы встретились снова. Но теперь это было иначе. В этом поцелуе была страсть, накопленная за годы. Он жадно впиивался в её губы, его руки скользнули под её пальто, поглаживая спину через тонкую блузку. Она выгнулась, чувствуя его силу, его натиск. Вокруг никого не было, только плеск воды да далёкий гудок теплохода.

— Поехали ко мне, — прошептал он, отрываясь от неё и тяжело дыша. — Я не могу отпустить тебя сегодня. Пожалуйста.

Она посмотрела в его глаза. В них было столько желания и одновременно робости, что она не смогла отказать.

Квартира Романа была мужской, но уютной. Книжки, натюрморты на стенах, большой мягкий диван. Они вошли, и он сразу же прижал её к двери, целуя в шею, спускаясь вниз к ключицам. Она запрокинула голову, издав тихий стон. Его руки были везде — они расстегивали пуговицы её пальто, снимали с плеч шарф. Он был нежным, но настойчивым.

— Я хочу тебя, — прорычал он ей в ухо. — Всю. Сегодня, завтра и всегда.

Они оказались в спальне. Лунный свет струился сквозь жалюзи, рисуя полосы на простынях. Роман уложил её на постель, нависнув сверху, и посмотрел на неё, словно она была произведением искусства. Он медленно расстегнул её блузку, покрывая поцелуями каждый открытый участок кожи. Екатерина дрожала — от холода, от страсти, от счастья. Её руки блуждали по его спине, чувствуя каждый мускул.

— Ты так красива, — шептал он, касаясь губами её груди. — Ты не представляешь, как долго я ждал этого.

Он был нежен, как никто до него. Каждое прикосновение было пропитано смыслом. Он не спешил, он наслаждался. Когда их тела, наконец, соединились, Екатерина выдохнула, вцепляясь в его плечи. В этот момент мир перестал существовать. Были только они, их дыхание, их сердца, стучащие в унисон.

Утром она проснулась от того, что он гладил её по волосам и смотрел на неё с улыбкой.

— Доброе утро, моя драконица, — сказал он.

Она покраснела, уткнувшись в подушку. Он засмеялся, притягивая её к себе, и поцеловал в макушку.

— Никогда не прячься от меня, — прошептал он. — Теперь ты моя, и я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Но счастье, как и любая красота, имеет тень. Через неделю их отношений на заводе начали шептаться. Особенно бурно реагировала начальница смены в цехе Литья и пластмасс — Светлана Павловна, женщина властная и одинокая, которая всегда косилась на Романа с нескрываемым интересом. Она не выносила, когда кто-то из «её» цеха был счастлив.

Однажды утром, когда Екатерина подошла к станку, она услышала за спиной холодный голос:

— А вы, голубушка, поосторожнее. Роман-то наш... он мужик видный, но бабник, говорят. Вон, говорят, в прошлый раз наладчицей из соседнего цеха интересовался. Пока ты тут ирисы нюхаешь, он может и на сторону смотреть.

Екатерина сжала губы. Она знала, что это ложь. Но в душу закрался червячок сомнения. Она вспомнила прошлые отношения, предательство, боль. А что, если Светлана права?

Вечером Роман заметил, что она отстранённа. Они сидели в его машине на привычном месте у пруда, но она не смотрела на него.

— Что случилось? — спросил он, трогая её за подбородок.

— Светлана Павловна сказала... — начала она, но Роман перебил:

— Светлана Павловна завидует. Она тебе наговорила? — Его глаза потемнели. — Катя, посмотри на меня. Я восемь лет ждал тебя. Единственная женщина, с которой я разговаривал на заводе до тебя, это бабушка Зина, которая чай разносит. И то я ей только «спасибо» говорил.

Он схватил её за руку и приложил к своей груди, к сердцу. — Чувствуешь? Это бьётся ради тебя. Не слушай их. Наша история только начинается, и никто не посмеет её испортить.

Она вздохнула, расслабилась, положив голову ему на плечо. Закат разливал по небу алые и золотые тона, и в этом свете его лицо казалось высеченным из камня — мужественным и честным.

— Я верю тебе, — прошептала она. — Только если ты предашь, я не переживу.

— Тогда я буду жить вечно, — улыбнулся он, — потому что предать тебя — значит предать самого себя.

Неделя прошла в сладком тумане. Каждое утро Екатерина просыпалась с мыслью о нём, и первое, что она видела, — солнечный луч, просачивающийся сквозь занавески, который напоминал ей о свете его глаз. На заводе любое его прикосновение — случайное, мимолётное, когда он поправлял деталь на её станке или просто проходил мимо, касаясь плеча, — согревало её до кончиков пальцев. Она начала улыбаться. Настоящей улыбкой, которую коллеги не видели в ней уже много лет. Даже тётя Зина, разносившая чай, за-

метила:

— Катюша, ты вся светишься. Неужто влюбилась?

Екатерина краснела, но внутри разливалось тепло. Она чувствовала себя девчонкой, забывшей о бывших разочарованиях. Роман тоже изменился — он стал чаще улыбаться, его голос, обычно сухой и деловой, теперь звучал мягче, когда он обращался к ней. Они переглядывались через весь цех, и эти взгляды были их тайным языком.

Но Светлана Павловна не спала. Она сидела в своей стеклянной клетке-кабинете, наблюдая, как Роман протягивает Екатерине кружку с чаем. Её глаза сузились, пальцы нервно барабанили по столу. Она ненавидела это. Ненавидела их счастье, которое било в глаза ярче сварочного аппарата в соседнем цехе. Она уже давно не чувствовала ничего подобного, и чужая радость была для неё как соль на рану.

— Ну-ну, голубки, — прошипела она, накручивая на палец седую прядь. — Посмотрим, как вы запоёте, когда я достану своё маленькое «досье».

Светлана Павловна была хранительницей всех заводских тайн. В её столе, в запертом ящике, лежали копии приказов, старые фото с корпоративов и, самое главное, выписки из личных дел, которые никто не должен был видеть. Она давно копалась в прошлом Романа — с тех пор, как он отказал ей в танце пять лет назад на новогоднем корпоративе. Тогда она пообещала себе: проучить наглеца. И вот теперь, когда он стал счастлив, она решила, что настал час «Х». Она пере-

листала старую папку, и её пальцы замерли на двух документах: увольнение 2022 года за порчу оборудования и судебный иск 2020 года от бывшей сожительницы о побоях. Она злорадно улыбнулась: «Этого достаточно, чтобы разрушить их идиллию».

В тот же вечер, когда Екатерина вернулась домой в свою маленькую квартиру, она нашла в почтовом ящике белый конверт без обратного адреса. Сердце ёкнуло. Она открыла его дрожащими руками и увидела распечатки — те самые документы. На грубой бумаге чёрным по белому было напечатано: «Роман С. — иск о побоях, 2020 г.» и «Увольнение за халатность, 2022 г.». Екатерина смотрела на эти строки, и мир вокруг неё начал рушиться. Её руки дрожали, перед глазами поплыли круги.

«Не может быть, — стучало в висках. — Он не такой. Он не мог... Он же так нежно целовал меня, он смотрел на меня с такой теплотой... Он не мог ударить женщину». Она вспомнила, как Роман рассказывал о своей прошлой жизни, но никогда не говорил о судах. «Выходит, он врал мне?» — её сердце сжималось от боли, похожей на ту, что она пережила после развода с первым мужем. Она хотела позвонить ему, но вместо этого отключила телефон и просидела в ванной до полуночи, глядя в одну точку на плитке. Слезы душили её, и она не могла остановиться. Она чувствовала себя преданной, обманутой, использованной. Как тогда, когда бывший муж ушёл к другой, оставив её с маленьким Сашей

на руках. Она закрыла глаза и прошептала: «Почему? Почему опять?».

А Роман в это время метался по городу. Он приехал к её дому, увидел свет в окне, позвонил раз, два, десять раз — но абонент был недоступен. Он чувствовал беду нутром, словно кто-то сжал его внутренности стальной рукой. Он знал, что запахло интригой. Он простоял под её окнами до трёх утра, пока не начало светать, и видел, как в её окне мерцал свет, но она не выходила. На душе было тревожно, и он проклинал себя за то, что не рассказал ей всё заранее.

На следующее утро он нашёл её в цехе. Она стояла у станка, бледная, с красными глазами, и не смотрела на него. Когда он подошёл, она отшатнулась, будто он был чужим. Он схватил её за локоть и вывел в коридор, где было тихо.

— Катя, что случилось? Ты не брала трубку! — его голос дрожал от волнения. Он видел, что она плакала, и это рывало ему сердце.

Она вырвала руку и выдернула из кармана те распечатки. Её голос срывался на крик:

— Что это такое, Роман?! Ты бил женщин?! Тебя уволили за халатность?! Зачем ты врал мне? Я поверила тебе! Я открыла тебе душу!

Роман побледнел, как полотно. Он посмотрел на бумаги и сразу всё понял. Светлана. Сука. Он сжал кулаки, но не от злости — от боли. Он знал, что эти документы — грязная ложь, но Екатерина не знала. Он посмотрел ей прямо в глаза

и сказал очень тихо, но твёрдо:

— Катя. Ты знаешь, как я выгляжу в гневе? Ты видела хоть раз, чтобы я повысил голос? Я — человек, который восемь лет молчал, глядя на тебя. Я не бил ту женщину. Она была больна, наркоманка. Она оговорила всех, включая меня. А уволили меня не за халатность — я сломал станок, потому что он мог убить человека, и начальник прикрывал свою халатность. Я ушёл, чтобы не садиться. Но я не вор, не насильник и не предатель.

Его глаза наполнились слезами — впервые Екатерина видела, что этот сильный, надёжный мужчина плачет. Он продолжил:

— Если ты мне не веришь, пойдём со мной. Я отвезу тебя к той женщине. Она сейчас в реабилитационном центре, мы друзья. Она всем расскажет правду. Я ничего не скрывал, кроме своей боли. Я не хотел, чтобы ты знала о грязи моей прошлой жизни. Я хотел быть для тебя чистым.

Екатерина смотрела на него, и в душе шла борьба. Она вспомнила, как он держал её за руку, как он целовал её у фонтана, как он сказал: «Я буду жить вечно, чтобы не предать тебя». И она поняла — её сердце знает правду. Бумаги лгут. А его глаза — нет.

Она шагнула к нему, уронила голову ему на грудь и разрыдалась.

— Прости меня, — прошептала она. — Я испугалась. Я такая дура...

— Ты не дура, — ответил он, обнимая её и целуя в макушку. — Ты человек. Ты имеешь право сомневаться. Но знай: я докажу тебе всё. Сегодня вечером мы поедем к Людмиле. Она расскажет тебе всю правду. А потом..., потом я хочу отвезти тебя в одно место. Там, где я хотел сделать тебе предложение, но боялся, что ты откажешь.

Она подняла заплаканные глаза и улыбнулась сквозь слёзы.

— Предложение? Ром, мы знакомы два месяца...

— Мы знакомы восемь лет, — поправил он. — Я просто ждал, когда ты будешь готова.

Вечером они поехали в реабилитационный центр, расположенный в тихом пригороде. Людмила оказалась хрупкой женщиной с добрыми, но уставшими глазами. Она подтвердила каждое слово Романа: она действительно была зависимой, и тогда наговорила на него, потому что злилась на весь мир. Сейчас она была чиста и очень сожалела.

— Катя, он спас меня, — сказала Людмила. — Он ночевал у меня в больнице, когда никто не приходил. Он — золото. Не верь тому, что говорят злые люди.

Екатерина вышла из центра с облегчённым сердцем. Она больше не сомневалась. Когда они сели в машину, Роман взял её за руку и сказал:

— Теперь я хочу показать тебе то место.

Он повёз её в парк, который находился на окраине города. Там, среди старых дубов и лип, стоял заброшенный фонтан.

Фонтан был выключен, но при свете полной луны его каменные чаши казались серебряными. Вокруг было тихо, только ветер шумел в листве и где-то вдалеке лаяла собака.

Роман достал из кармана маленькую бархатную коробочку и встал на одно колено.

— Катя, я не умею говорить красиво, но я люблю тебя. Я люблю тебя все эти восемь лет, даже когда мы работали в разных цехах. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Не для отчёта, не для родителей. А чтобы я просыпался и знал, что ты — моя. Что я могу защищать тебя от всех Светлан Павловн. Ты согласна?

Екатерина закрыла рот ладонью, чтобы не закричать от счастья. Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он надел на её палец кольцо с маленьким сапфиром, таким же синим, как ирисы на той поляне, где они впервые поцеловались.

Она бросилась к нему, обняла, и он поднял её на руки, закружил. Вокруг, словно по волшебству, зажглись светлячки, и казалось, что сама природа празднует их союз.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Люблю больше всего на свете.

— А я тебя, — ответил он, целуя её в шею. — Поедем ко мне. Я хочу, чтобы эта ночь была нашей. Никаких сомнений, никаких бумаг. Только мы.

Она кивнула, и они поехали в его квартиру. Там, в уютной комнате, где пахло деревом и его одеколоном, он снял

с неё пальто, расстегнул пуговицы её блузки, целуя каждый сантиметр кожи. Екатерина чувствовала, как её тело откликается на каждое его прикосновение, как уходят все страхи, оставляя место только доверию и желанию. Его руки были нежными, но настойчивыми, и она таяла в них, забывая о прошлых обидах.

Он уложил её на постель, и в лунном свете, просачивающемся сквозь шторы, они стали единым целым. Она отдавалась ему без остатка, чувствуя, как он наполняет её не только телом, но и душой. Каждый его вздох, каждый шёпот «я люблю тебя» проникал в самые глубокие уголки её сердца. Она стонала от наслаждения, впиваясь пальцами в его спину, и знала: этот мужчина никогда не причинит ей боли.

Когда всё стихло, они лежали, обнявшись, укрытые одним одеялом. Екатерина положила голову ему на грудь и слушала, как бьётся его сердце.

— Ты слышишь? — прошептала она. — Оно стучит в такт с моим.

— Потому что мы одно целое, — ответил он, целуя её в макушку. — Навсегда.

Она улыбнулась и закрыла глаза, зная, что наконец-то нашла свой дом. И этот дом — не стены, не адрес, а его руки, его губы, его любовь.

Истина и первое «ДА»

Вечером они поехали в реабилитационный центр, нахо-

дившийся в двух часах езды. Людмила оказалась хрупкой, бледной женщиной с добрыми глазами. Она подтвердила всё, что сказал Роман: она была в зависимом состоянии, тогда наговорила на него, потому что была зла на весь мир. Сейчас она была чиста и очень сожалела.

— Катя, он спас меня, — сказала Людмила. — Он ночевал у меня в больнице, когда никто не приходил. Он — золото. Не верь тому, что говорят злые люди.

Екатерина вышла из центра, дыша полной грудью. Чистый воздух свободы и правды наполнил её лёгкие.

Роман привёз её к тому самому месту — это был Старый парк с тысячелетними дубами. В центре парка бил фонтан, который был выключен, но при свете полной луны он казался хрустальным замком. Они сели на скамейку, и Роман достал маленькую коробочку, которую носил в кармане куртки все эти две недели, дожидаясь момента.

— Катя, — начал он, вставая на одно колено. Луна освещала его лицо, делая его почти божественным. — Я знаю, что мы ещё не прожили вместе и года, но я люблю тебя столько, сколько живёт этот дуб. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Не для галочки, не для штампов. А чтобы я мог просыпаться и знать, что ты — моя. Чтобы я мог защищать тебя от всех Светлан Павловн этого мира. Ты согласна стать моей драконицей навсегда?

В коробочке лежало кольцо с маленьким сапфиром, таким же синим, как ирисы на той поляне, где они целовались

впервые.

Екатерина прикрыла рот ладонью и заплакала — теперь уже от счастья.

— Да, — прошептала она. — Да-да-да!

Он надел кольцо на её палец, и оно засияло в лунном свете. Он поднялся, обнял её, поднял на руки и закружил. Вокруг них, словно в сказке, зажглись светлячки, будто природа сама праздновала этот момент. Он поставил её на ноги и поцеловал так страстно, так крепко, что у неё перехватило дыхание. Его руки скользили по её телу, прижимая к себе, и она чувствовала, как он дрожит от счастья.

— Я люблю тебя, Екатерина, — сказал он, отрываясь от её губ. — Я буду любить тебя всегда. Даже когда мы состаримся, и вместо волос у нас будет седина, я буду целовать твои морщинки.

Она засмеялась и, взяв его за руку, потащила к фонтану.

— Ром, а ты знаешь, что в этом фонтане исполняются желания? Брось монетку.

Он достал монетку, загадал желание и бросил. Монетка блеснула в воздухе и упала в сухую чашу фонтана.

— Что загадал? — спросила она.

— Чтобы счастье наше было вечным. И чтобы этот чёртов завод не разрушил нас.

Они стояли, обнявшись, под звёздами, и ни Светлана Павловна, ни грязные бумаги, ни прошлое — ничто не могло их коснуться. Впереди была жизнь. Долгая, счастливая и пре-

красная.

Свадьба была назначена на начало июля. То самое место — поляна у старого пруда, где они впервые поцеловались, — преобразилось до неузнаваемости. Белые тенты, словно паруса кораблей, колыхались на ветру. Между дубами развесили гирлянды тёплого света, а дорожку к импровизированному алтарю усыпали лепестками синих ирисов — в память о том майском дне.

Екатерина стояла перед зеркалом в небольшом домике лесника, который они сняли для сборов. Платье было простым, но элегантным: лёгкий шёлк, открытые плечи и длинный шлейф, расшитый мелким жемчугом. Она смотрела на себя и не узнавала. В глазах горел огонь, на губах играла счастливая улыбка, а на пальце уже красовалось то самое сапфировое кольцо. Рядом с ней сустились подруги — две её коллеги с завода, которые искренне радовались за неё.

— Ну, ты даёшь, Катька! — щебетала одна из них, Маринка. — Выходишь замуж за самого красивого наладчика! А этот его танец... ты видела, как он на тебя смотрит? Да он сейчас дверь выломает, лишь бы увидеть тебя.

Но Екатерина волновалась. Она знала, что на свадьбу приглашены почти все из цеха, кроме... Светланы Павловны. Та была в чёрном списке. Однако Екатерина чувствовала: что-то будет. Тишина перед бурей.

Церемония прошла трогательно и красиво. Они обменялись кольцами под шелест листвы и пение птиц. Роман, в

строгом тёмно-синем костюме, выглядел так мужественно, что у Екатерины подкашивались колени. Когда он поцеловал её после слов «объявляю вас мужем и женой», гости взорвались аплодисментами, а в воздух взлетели бумажные голуби.

Но самый сюрприз ждал впереди.

Когда начался банкет за длинными столами, уставленными яствами, Екатерина отлучилась перевести дух в небольшую беседку у воды. И тут, словно из-под земли, выскочили трое её друзей-парней, которые работали в соседнем цехе. Они схватили её на руки, закрыли рот шёлковым платком и с хохотом потащили в сторону леса.

— Спасай невесту! — крикнул один из них Роману, который в этот момент разливал шампанское. — Выкуп! Или мы увозим её в город!

Роман опешил только на секунду. Затем его глаза хитро блеснули. Он отставил бокал, снял пиджак и вышел в центр поляны. Все гости затаили дыхание.

— Так, парни! — крикнул он, обращаясь к похитителям. — Выкуп будет! Но не деньгами! Я отдам вам самое дорогое, что у меня есть!

Он сделал знак тапёру — старому другу с гитарой. И вдруг... заиграла медленная, тягучая мелодия. Это была песня, которую он написал сам ночами, когда не мог спать, думая о Екатерине.

Роман начал танцевать.

Это был не просто танец. Это был язык его души. Он дви-

гался пластично, нежно, словно описывая руками линии её тела. Он изображал, как держит её за талию, как кружит, как целует. Его движения были пронизаны такой страстью и такой тоской по ней, что у гостей перехватывало дыхание. Женщины начали всхлипывать. Мужчины притихли.

Он опустился на одно колено, протянул руки к беседке, где сидела Екатерина, и запел (да, он пел!):

«Ты — свет в моём окне,

Ты — тишина в огне.

Я восемь лет искал тебя,

Чтобы любить, не тая...»

Екатерина вырвалась из рук похитителей, сорвала платок с лица и, расправив шлейф, побежала к нему. Все расступились. Она упала в его объятия, и он подхватил её, закружил на руках под гром аплодисментов.

— Ты — чудо! — крикнула она ему на ухо. — Ты с ума сошёл? Ты же не умеешь танцевать!

— Для тебя — всё что угодно, — прошептал он, целуя её в шею. И под громкий смех гостей он закинул её себе на плечо и понёс обратно к столу, крича: — Невеста выкуплена! Моя! Навсегда!

Только они сели за стол, как в воротах поляны показалась фигура. Это была Светлана Павловна. Она шла, опустив го-

лову, в скромном сером платье и держала в руках букет тех самых синих ирисов.

Гости замерли. Роман напрягся, заслонив собой Екатерину.

Но Светлана подошла к ним, посмотрела в глаза Екатерине и вдруг... заплакала.

— Простите меня, — сказала она, и голос её дрожал. — Я — дура. Я старая, одинокая дура, которая ненавидела ваше счастье, потому что у самой его никогда не было. Я подложила те бумаги. Я хотела вас разлучить. Но когда я увидела сегодня, как ты, Роман, танцуешь... я поняла, что настоящая любовь не убивается грязными бумажками. Она сильнее. Простите. Позвольте мне остаться и радоваться за вас.

Екатерина сначала стояла с каменным лицом. Но потом она вспомнила слова Людмилы, вспомнила, как простила саму себя за свои ошибки. Она шагнула вперёд и обняла Светлану.

— Мы все совершаем ошибки, — тихо сказала она. — Оставайся. Сегодня день любви, а не вражды.

Роман удивлённо выдохнул, а затем пожал плечами, улыбнувшись. Он взял бокал и провозгласил тост за прощение. Светлана выпила и села в самый конец стола, утирая слёзы, но уже с улыбкой.

В самый разгар веселья, когда уже стемнело и зажглись гирлянды, Роман вдруг встал и попросил внимания.

— Я хочу сказать всем, кто здесь собрался, — громко объ-

явил он. — Мы с Екатериной уходим с завода. Я нашёл новую работу — мастером в небольшом частном производстве, там меня ждут с радостью. Но это не главное. Главное — мы купили домик. Там, за лесом, в пяти минутах от этого пруда. Там будут наши утренние прогулки, наши вечера, наши дети и наша старость. Мы переезжаем сегодня ночью. Точнее, сейчас.

Гости ахнули, а Екатерина смотрела на него с восторгом и недоумением.

— Ты что, серьёзно? — спросила она.

Он кивнул и показал ключи:

— Этот дом — мой свадебный подарок тебе. Он маленький, но уютный. С камином, с террасой, с видом на воду. Я готовил его все эти недели, пока ты думала, что я задерживаюсь на работе.

Екатерина бросилась ему на шею, и все гости вскочили с криками «Горько!». Они целовались так долго и страстно, что даже самые заядлые скептики поверили в чудо.

Они уехали под утро, оставив гостей догуливать на поляне. Домик стоял на краю леса — старый, но отремонтированный, с резными ставнями и крыльцом, увитым диким виноградом. Роман внёс Екатерину на руках через порог.

— Осторожно, — прошептала она, смеясь. — Я же тяжёлая!

— Ты вешишь как пёрышко моей мечты, — ответил он, целуя её в лоб.

Он поставил её на пол посреди гостиной, где горел камин. Огонь играл на их лицах, отражаясь в зрачках. Он медленно, очень медленно начал расстёгивать пуговицы её свадебного платья, целуя каждый освободившийся участок кожи — плечи, ключицы, грудь. Екатерина запрокинула голову, ощущая, как его горячие губы и руки выжигают все сомнения, все обиды прошлого.

— Я люблю тебя, — шептал он, спуская платье вниз. — Ты — моя жена. Моя навсегда.

Она помогала ему снять пиджак, рубашку, касаясь пальцами его крепкой спины. В комнате было тихо, только трещали дрова и их прерывистое дыхание. Он подхватил её на руки и отнёс в спальню, где на огромной кровати лежали свежие белые простыни, усыпанные всё теми же ирисами.

Он бережно уложил её, нависнув сверху, и стал покрывать её тело поцелуями — от губ до кончиков пальцев ног. Она выгибалась ему навстречу, вплетая пальцы в его волосы.

— Ты моя любимая, навсегда, — прошептал он, заглядывая ей в глаза. — Никогда не бойся меня. Никогда не сомневайся во мне.

— Никогда, — выдохнула она, притягивая его к себе для поцелуя, который говорил больше, чем тысячи слов.

В эту ночь они слились в единое целое. Их страсть была не грубой, а трепетной — как первый раз, но уже с лёгкостью и доверием, которое приходит только к истинно родным душам. Каждый вздох, каждый стон, каждое движение

были пропитаны благодарностью судьбе за то, что она свела их спустя восемь лет. Когда наступил рассвет, они лежали, обнявшись, укрытые одним одеялом, и сквозь щель в шторах пробивался луч солнца, касаясь их сплетённых рук.

Роман проснулся первым. Он посмотрел на спящую Екатерину, на её растрёпанные волосы, на лёгкую улыбку на губах, и понял: это и есть счастье. Не завод, не деньги, не интриги. А она. Только она.

Он поцеловал её в плечо, и она, не открывая глаз, прошептала:

— Доброе утро, муж.

— Доброе утро, жена, — ответил он. — Вставай. Наш дом ждёт нашего кофе, а пруд — нашего завтрака на террасе.

Она открыла глаза и улыбнулась ему так, что солнечный луч, казалось, потускнел от этой улыбки.

Она проснулась от того, что солнечный луч, пробившись сквозь неплотно задернутую штору, поцеловал её веки. Екатерина открыла глаза и сначала не поняла, где находится. Пахло деревом, речной свежестью и... кофе. Этот запах, густой, терпкий, с ноткой корицы, был её личным будильником последние несколько недель.

Она повернула голову и встретила взглядом с Романом. Он сидел на краю кровати, уже одетый в мягкую домашнюю фланелевую рубашку, и держал в руках две кружки с дымящимся напитком. Его серые глаза светились такой нежностью, что у Екатерины перехватило дыхание. Рядом с ним на

тумбочке лежала веточка сирени, которую он, видимо, сорвал на рассвете.

— Доброе утро, жена, — сказал он хриловатым со сна голосом, протягивая ей кружку. — Твой кофе, как ты любишь, с корицей и с облачком пенки.

Она села, поправив сползшую тонкую ночную сорочку, и приняла кружку. Отпила глоток, чувствуя, как тепло разливается по телу, согревая не только желудок, но и душу.

— Ром, ты снова встал раньше меня, — улыбнулась она, пряча смущение. — Дай мне хотя бы привести себя в порядок.

Он наклонился и поцеловал её в висок.

— Ты прекрасна и без порядка. Но я тебя не тороплю. Сегодня суббота, у нас баня по традиции, — подмигнул он. — А пока я приготовлю завтрак. Омлет с зеленью и тосты, как ты любишь.

Он вышел из спальни, и Екатерина слышала, как на кухне зазвенела посуда. Она встала, подошла к зеркалу, которое висело на стене старинного комода. Её отражение улыбалось. Глаза блестели, щёки порозовели. Она провела пальцами по волосам, улыбнулась себе и начала наводить «красоту» — тот самый утренний ритуал, который делал её ещё увереннее. Она знала, что Роман любит смотреть на неё в этот момент, когда она, стоя у зеркала, не спеша наносит лёгкий макияж, расчёсывает волосы, перебирает украшения.

Когда она вышла на кухню, стол уже был накрыт. Роман

стоял у плиты, ловко переворачивая омлет. В вазочке на столе стояли те самые синие ирисы, которые росли прямо у крыльца их домика. За окном заливался птичий гомон, а в приоткрытую дверь террасы влетал ветер, приносящий запах мокрой листвы и реки.

— Садись, — сказал он, ставя перед ней тарелку. — Сегодня у нас много дел. Надо съездить в Жуковку, проверить сад. Там, знаешь, розы уже начали зацветать, а смородина скоро поспеет.

Екатерина улыбнулась. Жуковка — это был старый дом Романа, который он унаследовал от родителей. Небольшой деревянный дом с зелёной крышей и огромным садом, где росли яблони, кусты крыжовника и, конечно, его гордость — небольшой, но уютный гараж, где он проводил часы, когда хотел побыть наедине с железом и мыслями.

— А ты не забыл, что вечером мы договорились на речку Подсолнух? — спросила она, жуя тост. — Я хочу пройтись по тому навесному мосту. Он такой красивый в закатных лучах.

— Я помню, — ответил Роман, подходя к ней и обнимая со спины. Его руки легли на её плечи, он поцеловал её в макушку. — Мы поедем на мотоцикле, и я покажу тебе тропинку, которую сам протоптал. Там, за мостом, есть поляна, где никогда нет людей. Только мы и небо.

Она откинула голову ему на плечо, закрыла глаза. В такие моменты она забывала обо всём на свете — о заводе, о бытовых проблемах, о переживаниях за дочь, которые жили где-

то в глубине души. Кира, её старшая дочь от первого брака, сейчас жила в кадетском корпусе. Это был осознанный выбор девочки, которая с пяти лет занималась хореографией, была шустрой, как ртуть, и всегда стремилась к дисциплине, которую не могла дать обычная школа. И хотя Екатерина очень скучала по ней — каждое утро звонила, каждый вечер писала сообщения — она знала, что Кира там счастлива.

— Я позвоню ей сегодня, — сказала она. — Она рассказывала, что у них будет выступление, какой-то кадетский бал.

— Только не реви, как в прошлый раз, — шутливо нахмурился Роман. — Кира же у нас сильная, как ты. Она справится.

— Я знаю, — выдохнула Екатерина. — Просто материнское сердце...

Он развернул её к себе и, взяв за подбородок, нежно, но требовательно поцеловал. В этом поцелуе было всё — обещание вечера, тёплый июльский ветер и завтрашний день, который будет наполнен тем же тихим счастьем.

— Собирайся, — прошептал он. — Через час выезжаем.

В Жуковке их встретила та особенная тишина, которая бывает только в старых садах. Яблони уже отцвели, зато буйно зеленели кусты смородины, а вдоль забора тянулись высокие подсолнухи, которые Роман посадил ещё несколько лет назад. Дом стоял чуть поодаль от дороги, окружённый забором из дикого камня.

Екатерина любила это место. Здесь всё дышало историей,

спокойствием и мужским характером. Роман ушёл в гараж — проверить инструменты и немного повозиться со старым «Москвичом», который он потихоньку реставрировал, а она пошла в сад. Набрала корзинку клубники, которая уже начала краснеть на грядках, нарвала несколько веточек мяты для чая и долго стояла у старого колодца, глядя, как в его глубине отражается облако.

Её мысли улетали в прошлое. Вспоминался завод, лакокрасочный цех, где она клеила наклейки на велосипеды, и как однажды — уже потом, когда они встретились в цехе Литья и пластмасс — он подошёл к ней с вопросом о станке. Тогда она ещё не знала, что за этим последует тот самый первый вечер у пруда, признание, кольцо, свадьба. Жизнь повернулась на 180 градусов.

Она вошла в дом. В гостиной на стене висела карта мира, которую Роман купил в прошлом году. Они отметили на ней булавками места, где уже побывали вместе — маленькое путешествие в Карелию, прошлогодняя поездка в Золотое кольцо, а недавно загадали съездить на Байкал. Екатерина провела пальцем по карте, задержалась на очертаниях страны и тихо прошептала:

— Мы обязательно побываем везде.

Её размышления прервал шум мотора. Роман выехал из гаража на мотоцикле — стареньком, но ухоженном «Урале» с коляской, который он сам перебрал. Он подкатил к крыльцу, снял шлем и крикнул, озорно блеснув глазами:

— Ну что, красавица, поедem на речку? Погода шепчет!

Она улыбнулась, скинула домашние тапочки, надела лёгкий сарафан и широкополую шляпу, схватила плед, и термос с чаем. Они выехали на просёлочную дорогу, ветер развевал её волосы, и она прижималась к его спине, обнимая за талию, чувствуя, как его мышцы перекачиваются под рубашкой.

Дорога к речке Подсолнух шла через берёзовый лес. Солнце пробивалось сквозь кроны, рисуя на земле золотые круги. А потом лес расступился, и они выехали к обрыву, где под ними, извиваясь голубой лентой, блестела река. Через неё был перекинут старый навесной мост — деревянный, с канатами, обвитыми диким виноградом. Он казался хрупким, но на самом деле был надёжным, как тысяча лет.

Они остановились, привязали мотоцикл к сосне. Роман взял её за руку, и они пошли по мосту. Дерево поскрипывало под ногами, внизу плескалась вода, а над головой кружили стрекозы.

— Ром, ты помнишь наш первый поцелуй? — спросила она, глядя на воду.

— Ты думаешь, я мог забыть? — усмехнулся он. — Мы стояли у пруда, и ты дрожала, говорила, что не веришь в любовь. А я смотрел на тебя и думал: «Дурочка, я заставлю тебя поверить».

Он остановился посреди моста, развернул её к себе. В его взгляде горел тот самый огонь, который она видела в ночь их свадьбы. Он медленно, почти нарочито медленно, снял

с её плеч шаль, провёл пальцами по ключицам, спустился к талии и притянул к себе.

— Я люблю тебя, — сказал он с такой интонацией, будто признавался впервые. — Слышишь? Всегда.

Она обвила его шею руками и прильнула к нему. Их поцелуй был долгим, как тот первый, но теперь в нём не было страха — только безграничное доверие и жар, который согревал даже в самой холодной воде.

Вечер они встретили на поляне, расстелив плед. Роман развёл маленький костёр, они пили чай с мятой и мёдом, смотрели на уходящее за горизонт солнце. Он лежал на спине, а она положила голову ему на грудь, слушая, как бьётся его сердце.

— Ром, у меня к тебе странный вопрос, — тихо начала она. — Ты знаешь, что я иногда вижу странные сны, будто нас кто-то охраняет? Такое чувство, что у нашего домика у пруда есть свой хранитель.

Он приподнял голову и посмотрел на неё с любопытством.

— И я тоже замечал, — сказал он. — Когда я в гараже, иногда слышу шаги, а выхожу — никого. Может, это дед мой ходит? Он очень любил этот дом.

— Может быть, — улыбнулась она. — Пусть ходит. Мне нравится думать, что он нас благословляет.

Их разговор прервал звонок телефона. Екатерина взглянула на экран и просияла — звонила Кира.

— Мам, привет! — раздался звонкий девичий голос. —

Я на бал собралась! Сегодня вальс танцуем! Жалко, что ты не видишь.

Екатерина зажмурилась, чтобы не заплакать.

— Дочка, я счастлива, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Ты наша звезда. Пришли фото, хорошо? И передавай привет подругам.

— Роме привет! — весело крикнула Кира. — Пусть не скучает без нас!

Роман взял трубку и добавил:

— Кирюха, дерзай! Я тоже хочу на тебя посмотреть.

Они поговорили ещё немного, и Екатерина повесила трубку с лёгкой грустью в сердце, но с гордостью за дочь, которая шла своим путём.

— Она такая же сильная, как ты, — сказал Роман, обнимая жену. — И она знает, что у неё есть ты.

Они вернулись домой уже затемно. Ночевали в Жуковке, в старом доме, где пахло сушёными травами и деревом. Роман, как всегда, проверил все замки, принёс ей горячее молоко и укрыл пледом.

— Завтра мы на работу, — сказал он, садясь рядом. — Терпеть не могу, когда наша смена расходится. Я уже скучаю по тебе.

— Я тоже, — прошептала она, прижимаясь к его груди. — Но ведь вчера мы вместе.

— Вчера — да. А сегодня уже вечер. — Он наклонился к ней и поцеловал в шею, нежно проводя губами по коже. Его

руки обхватили её, притягивая ближе. — Никогда не привыкну к твоей близости. Ты меня пьянишь, Кать.

Её дыхание участилось. Она запрокинула голову, позволяя ему целовать её плечи, и в ответ провела ладонями по его груди, расстёгивая пуговицы рубашки одну за другой. Он приподнял её лицо за подбородок и встретился с ней взглядом — в темноте его глаза казались почти чёрными от желания.

— Покажи мне, как ты любишь меня, — прошептала она. — Не словами.

И он показал. Той ночью в доме у сада звучали только их дыхание, шепот имён и скрип старой кровати, а за окном, на ветке подсолнуха, сидела крупная ночная бабочка и смотрела на них огромными фосфоресцирующими глазами, будто храня эту минуту в своей крылатой памяти.

Утро понедельника всегда было для них ритуалом. Они вставали в пять утра, когда город ещё спал. Екатерина наводила красоту у зеркала — тушь, лёгкая пудра, блеск для губ, — а Роман стоял у плиты и варил тот самый кофе, который стал их личным талисманом. Потом они завтракали вместе, молча, но с той тёплой тишиной, когда слова не нужны. Затем обязательный обмен объятиями у двери — он целовал её в висок, она прижималась к нему и шептала:

— Хорошего дня, мой наладчик.

— Хорошего дня, моя любимая жена, — отвечал он.

На заводе их встречали дружелюбными взглядами. Цех

Литья и пластмасс гудел станками, пахло расплавленным пластиком и металлической стружкой. Их коллеги уже привыкли к тому, что Роман и Екатерина — команда. Он помогал ей настраивать пресс-формы, она — готовить документацию. Работали чётко, быстро и с уважением друг к другу.

Но в этом месяце над цехом нависла тревога. На собрании начальник объявил, что часть комплектующих для квадроциклов — их гордости, их продукции — теперь будет закупаться в Китае.

— Это временная мера, — говорил он, поглаживая лысину. — В кризис все так делают.

Роман, стоявший в первом ряду, сжал кулаки. Екатерина увидела, как побелели его костяшки. Он всегда ратовал за российское производство, за то, чтобы их завод мог сам делать детали, а не зависеть от чужих технологий.

— Временная мера затягивается, — прошептал он ей, когда они вышли в коридор. — Мы теряем самостоятельность. Я не хочу чинить китайский хлам.

— Я знаю, — ответила она, взяв его за руку. — Но мы справимся. Ты же умеешь вытачивать любую деталь из куска железа. Помнишь, как ты починил тот пресс за два часа, когда бригада ремонтников сутки не могла?

Он улыбнулся, благодарно сжав её ладонь.

— Ты права. Но, Кать, я всё чаще думаю о своей мечте. О мастерской. Я могу чинить машины, реставрировать старые «Волги», делать людей счастливыми. А здесь... здесь я чув-

ствую, что мои руки связаны.

Она остановилась, посмотрела на него в упор, в его серые глаза, в которых горела решимость.

— Ром, — сказала она серьёзно. — Я не хочу, чтобы ты уходил с завода. Мы же работаем вместе, я вижу тебя каждый день. Но если ты хочешь открыть своё дело — я рядом. Мы найдём время. Мы найдём деньги. Мы всё сделаем вместе. Твоя мечта — это и моя мечта.

Он не выдержал — прямо в коридоре, среди стучащих станков, он притянул её к себе и поцеловал, глубоко, с благодарностью, так, что мимо проходящие коллеги одобрительно засвистели.

— Ты — моя опора, — прошептал он, отрываясь от её губ. — Запомни это. Я ничего не решу без тебя.

Вечером, после смены, они заехали в свой домик у пруда. Она сидела на террасе, а Роман колдовал в гараже — том самом, в Жуковке, который он превратил в мини-мастерскую. Она слышала звон инструментов, его тихое пение, и на душе становилось тепло.

«Быть может, мы откроем мастерскую, — размышляла она. — И это будет наше общее детище. А завод останется тем местом, где мы встретились. Но наша жизнь — это наш выбор».

Она взяла телефон, набрала номер Киры. Та ответила сразу.

— Мам! Ты не представляешь! У нас сегодня был ритуал

посвящения! Я в кадетском строю стояла!

— Рассказывай, — улыбнулась Екатерина, чувствуя, как гордость разливается в груди.

И они проговорили почти час — о школе, о новых подругах, о том, как Кира скучает по дому, но не хочет возвращаться, потому что там «такое будущее, мама, я его чувствую».

Екатерина закрыла глаза и подумала: «Вот оно — моё настоящее счастье. Дочка, которая летит в своём направлении, муж, который любит и строит своё дело, наш маленький дом у воды. И даже необъяснимое — то чувство, что за нами кто-то наблюдает, оберегает — оно не пугает, а только придаёт сил».

Роман вышел из гаража, вытирая руки ветошью, подошёл к ней и обнял за плечи.

— О чём задумалась? — спросил он.

— О том, как нас хранит кто-то невидимый, — ответила она. — И как хорошо, что у нас есть ещё столько дней, чтобы быть вместе.

Он поцеловал её в макушку, и над прудом взошла полная луна, отражаясь в тёмной воде, как серебряный щит, охраняющий их покой.

Голубое сердце Сибири

Лето в Жуковке выдалось знойным. Июльское солнце плавilo асфальт, а в саду у Романа поспевала черешня, которую они по вечерам собирали, стоя на деревянной лестнице

и передавая друг другу корзинки. Но в этом году планы были грандиознее, чем просто дачные хлопоты.

Однажды вечером, когда они сидели на террасе своего домика у пруда, Роман положил перед Екатериной два билета на самолёт. На бланках синеватого цвета красовалась надпись: «Москва — Иркутск».

— Что это? — ахнула она, отставляя кружку с чаем.

— Наше небольшое приключение, — улыбнулся он, целуя её в висок. — Помнишь, мы смотрели фильмы про Байкал? Ты говорила, что мечтаешь увидеть его своими глазами. Я с зарплаты каждый месяц откладывал деньги на эту поездку. Мы летим на десять дней. Там, Кать, вода такая прозрачная, что видно дно на сорок метров. И воздух... говорят, он лечит душу.

Екатерина прижала билеты к груди, чувствуя, как сердце забилось чаще. Она всегда мечтала о чём-то подобном, но после развода и быта на заводе казалось, что такие путешествия — удел других людей. А теперь её муж, её Роман, делал этот сюрприз реальностью.

— А как же работа? — спросила она.

— Отпуск согласован. Начальник цеха обрадовался — сказал, мы заслужили. А Светлана Павловна даже вызвалась подменить нас на десять дней, — усмехнулся он. — Она ста-

ла теперь совсем другая, не узнаёшь.

Екатерина рассмеялась. Действительно, после свадьбы Светлана стала их почти подругой — приносила пироги, интересовалась их планами, даже помогала с документами на мастерскую.

— А Кира? — спросила она, уже зная ответ.

— Кира сказала, что мы обязаны поехать. Она присмотрит за домом, будет звонить каждый день. Она уже большая девочка, Кать. Мы вырастили её такой, что она сама может о себе позаботиться, — Роман взял её за руки. — Нам нужно время только для нас. Ты и я. Байкал. Никаких станков, наклеек, отчётов. Только небо и вода.

Она кивнула, чувствуя, как внутри поднимается волна благодарности. Вечером они позвонили Кире. Та ответила радостным криком:

— Мам! Вы серьёзно? Я так за вас рада! Только обещайте привезти камушек с берега и много фотографий! И ещё... — она замялась. — Я тут прочитала, что на Байкале есть место, где можно загадать желание, и оно обязательно сбудется. Вы обязательно туда сходите, хорошо?

— Хорошо, дочка, — ответила Екатерина, смахивая слезу. — Мы привезём тебе самый красивый камень.

За две недели до отъезда они начали собираться. Роман достал старый рюкзак, проверил палатку, купил новый термос и тёплые вещи — даже летом на Байкале ночи холодные. Екатерина выбрала лёгкие сарафаны, но не забыла и шерстяной платок, который связала сама. За день до вылета они приехали в Жуковку, чтобы проститься с садом и гаражом. Роман постоял у ворот, погладил рукой старый «Москвич» и прошептал:

— Потерпи, друг. Вернусь — закончу.

А потом они поехали на речку Подсолнух. Солнце клонилось к закату, и навесной мост купался в оранжевых лучах. Они стояли посередине, обнявшись, и смотрели в воду.

— Когда мы вернёмся, — сказал Роман, — всё будет по-другому. Мы будем другими. Я хочу привезти с Байкала не просто сувениры, а новую силу для нашей жизни.

— Ты уже привёз мне её, — ответила она, обернувшись и заглядывая ему в глаза. — Ты привёз мне себя. А остальное — просто фон.

Роман нежно поцеловал её, долго и сладко, чувствуя, как её губы пахнут мятой и летним вечером.

Самолёт приземлился в Иркутске ранним утром. За иллюминаторами клубился туман, но когда они вышли из здания

аэропорта, Екатерина ахнула — воздух был таким чистым и прозрачным, будто его пропустили через горный хрусталь. Роман и Катя взяли заранее заказанный внедорожник и поехали к озеру. Дорога вилась между соснами и берёзами, а через пару часов лес расступился, и перед ними открылась бескрайняя гладь воды. Байкал лежал под небом как огромное зеркало, в котором отражались облака и далёкие горные вершины. Вода была удивительно синей, почти чёрной у горизонта, но у берега — прозрачной, как стекло. Екатерина вышла из машины, сняла босоножки и ступила на гальку. Вода оказалась ледяной, но она даже не вздрогнула — она чувствовала, как эта стужа пронизывает каждую клетку, пробуждая что-то дремавшее внутри.

— Ну как? — спросил Роман, подходя сзади и обнимая её за талию.

— Это не вода, — прошептала она. — Это живое существо. Оно дышит, Ром. Я слышу его дыхание.

— Местные называют его морем, — сказал он. — И говорят, что у него есть душа.

Они остановились в небольшом гостевом доме на берегу, в посёлке Листвянка. Хозяева — пожилая супружеская пара — встретили их горячим чаем с травами и рассказали о местных легендах. Особенно их заинтересовала история о Ша-

ман-камне, у истока Ангары. Говорили, что если в полночь прикоснуться к нему и загадать желание от чистого сердца, оно обязательно сбудется.

— Мы туда обязательно поедем, — сказал Роман, — завтра же.

Но планы изменились уже на следующее утро.

Они проснулись оттого, что в дверь постучали. Стук был настойчивым, но не грубым — скорее приглашением. Екатерина приоткрыла глаза, и солнечный луч упал на её лицо. Роман тоже проснулся, накинул куртку и пошёл открывать.

На пороге стоял мужчина. Невысокий, коренастый, с густой седой бородой и пронзительно голубыми глазами, как у самого Байкала. Он был одет в старую рыбацкую куртку, на ногах — резиновые сапоги. Пахло речной водой, дымом и травами.

— Здравствуйте, — сказал он хрипловато. — Я Олег, местный рыбак. Мне сказали, вы ищете приключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.